

7. Гумилев Л. Н. Понски вымышленного царства. Л., 1974.
8. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
9. Казакова Т. А. Структура и свойства ассоциативного ряда художественного текста // Язык и стиль английского художественного текста. Л., 1977.
10. Краткая литературная энциклопедия: В 8 т. Т. 5. М., 1968.
11. Роллан Р. Три откровения. М., 1965.
12. Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977.
13. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
14. Тростников М. В. Идиостиль И. Анненского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
15. Тростников М. В. Сквозные мотивы лирики Анненского // Изв. АН СССР. Отд-ие лит. и яз. 1991. Т. 50. № 4.
16. Тростников М. В. Язык лирики Анненского (лингвостатистический аспект) // Науч.-тех. информация. М., 1992 (Сер. 2. Информационные процессы и системы; № 4).
17. Федоров А. В. Поэзия И. Анненского // И. Анненский. Стихотворения и трагедии. Л., 1959.
18. Филиппов Б. Путь поэта // Заболоцкий Н. Стихотворения. Нью-Йорк, 1965.
19. Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969.
20. Эткинц Е. Г. Лирика Поля Верлена // П. Верлен. Лирика. М., 1969.
21. *Micro-Robert*. Dictionaire du Française Primordial. P., 1980. Т. 1, 2.
22. *Verlain P. Oeuvres completes*. P., 1968.
23. *Verlain P. Sagesse*. L., 1944.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994.

А. П. ЧУДИНОВ

Уральский педуниверситет

И. С. ЧУДИНОВА

Свердловский институт развития регионального образования

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ РЕЧЕВОГО СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКА (на материале повестей А. Алексина)

Исследуется композиционно-речевая специфика повестей А. Алексина, характеризующаяся отождествлением главного героя и повествователя, обращающегося к событиям своего детства и ранней юности; выделяются средства выражения динамики речевого сознания героя, языковые сигналы, свидетельствующие о возрасте повествователя.

Речевая организация художественного текста в значительной степени определяется структурой повествования, которую В. В. Виноградов определил как «систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчицами» [2]. Композиционно-речевая специфика рассматриваемых повестей Анатолия Алексина («Домашний совет», «Сердечная недостаточность», «Раздел имущества») отождествляет главного героя и рассказчика: в каждом случае повествование ведется от имени подростка, рассказывающего о событиях своего детства и ранней юности. Таким образом, перед писателем, помимо прочего, стоит задача отразить динами-

ку речевого сознания героя: развитие языковой компетенции, пополнение словарного запаса новыми единицами, особенности восприятия лексической и фразеологической семантики в различном возрасте, оценку повествователем словоупотребления сверстников и взрослых.

В рассматриваемых повестях наблюдается определенное сходство сюжетов: привычное течение жизни нарушается событием, резко меняющим взаимоотношения в семье и заставляющим героя по-новому взглянуть на слова и дела близких людей, попытаться найти давние истоки последних событий. В результате возникает полифония этических оценок: рассказчика до и после перелома, других персонажей, автора произведения, читателей.

Вполне естественно, что воспоминания повествователя фрагментарны (всего не расскажешь!); но эпизоды, которые воспринимаются сначала как связанные потоком сознания, постепенно выстраиваются в стройный ряд, позволяющий понять закономерности, казалось бы, непредсказуемых преобразований, увидеть в прошлом истоки поступков героев [6, с. 51].

Необходимо учитывать возраст повествователя, который (особенно в детстве) мог чего-то не заметить, какие-то факты оценить не совсем точно. Поэтому следует обратить внимание на диалоги, смысл которых не всегда одинаково воспринимается повествователем и читателями. Комментарии главного героя к поступкам взрослых людей и своих ровесников нередко свидетельствуют об интеллектуальной зрелости, нравственных качествах, являются отражением «диалектики души». Автор постоянно подчеркивает, что этические оценки ребенка часто оказываются очень точными, а свежесть детского взгляда на мир помогает увидеть больше, чем это дано взрослому человеку.

Повествование от имени юного героя требует особой организации внутреннего монолога и диалогов, заключающейся в постоянной имитации речевого сознания подростка. Задача писателя не зеркальное отражение возрастного уровня при помощи грамматических и лексических средств, а создание у читателя иллюзии «невзрослости» повествователя с использованием специальных приемов.

Сигналом «детства» в повестях Алексина часто служит обостренное внимание рассказчика к внутренней форме слов и фразеологизмов: у героя еще не выработался характерный для большинства взрослых людей автоматизм восприятия, при котором превалируют не деривационные, а парадигматические и синтагматические связи. Ребенок в отличие от взрослого острее ощущает внутреннюю форму, и в неразложимом сочетании ему нередко видятся составные части, создающие необычный зрительный образ. Например: *В конце концов, полностью уверовав в мою несмышленность, Антон Александрович решил объяснить маме в любви: «Софья Васильевна... Сонечка! Загляните*

пристальной мне в глаза. Неужели вам ничего не ясно?». И тут я заорала... Я схватила маму за руку и потащила ее в другую комнату, чтобы она не успела заглянуть в глаза Антону Александровичу («Раздел имущества»). Запечатлевшийся в памяти эпизод введен в текст не случайно: он позволяет показать, как рано сформировалось у ребенка негативное отношение к лощеному поклоннику матери.

Характерный для А. Алексина прием столкновения в тексте фразеологизма и эквивалентного свободного сочетания также служит признаком детского языкового сознания. Ср.: *У бабушки же со дня моего рождения цель была действительно одна: поставить меня на ноги. Сначала в прямом, а потом в переносном смысле («Раздел имущества»); Я любила, когда Павлуша доставал что-либо «из-под земли», потому что знала: именно там, под землей, таятся самые главные сокровища, именуемые полезными ископаемыми («Сердечная недостаточность»).* В данном случае фразы принадлежат уже не детям, а юным девушкам, что позволяет автору использовать игру слов от имени повествователя.

Языковая компетенция подростка постоянно совершенствуется: он узнает новые слова и уточняет значение уже известных, знакомится с моделями семантического варьирования [8], пополняет сведения о лексической и синтаксической сочетаемости слов. Это речевое развитие находит отражение в текстах повестей. Ср.: *Раньше я знала, что карты бывают географические, игральные, топографические. Оказалось, есть еще и курортные («Сердечная недостаточность»).* Знакомство с новыми реалиями и понятиями сопровождается непрерывным обогащением словарного запаса подростка.

Исследователи детской речи отмечают распространенность в ней семантико-структурных сближений по типу народной этимологии [3; 4; 7]. Этот прием постоянно используется А. Алексиним. Например, так обыгрывается имя одного из героев: *Мой брат Ирину хронически раздражал: «Он хочет соответствовать имени «Владик»: завладеть всем. И даже, представь себе, сердцем. К примеру моим» («Домашний совет»).* Подобные структурно-семантические сближения позволяют писателю более точно показать индивидуальность героя: «чувство языка», внимание к слову являются ее яркими характерными чертами.

Речевое сознание подростка ясно узнается и тогда, когда автор акцентирует внимание на почти утраченных языком семантических связях, сближает значения омонимичных слов. Ср.: *Научную лабораторию ...возглавлял член-корреспондент Савва Георгиевич — ученый с мировым именем.— У него и характер мировой!» — сказал я однажды.— Предложил мне прокатиться на белой «Волге» («Домашний совет»).* Ср. также: *Я знала, что прежде существовали родовые поместья, родовые устои, родовая знать... А у меня была родовая травма («Раздел*

имущества»). В первом случае подросток сближает семантику прилагательных-омонимов («всемирная известность» и «отличный характер»). Во втором контексте значения омонимов противопоставлены (позитивная и негативная оценка реалий). В речи юного героя встречаются однокоренные слова с противопоставленной семантикой: *Я слушала всех, но слушалась только бабушку* («Раздел имущества»). Подобные фразы говорят об обостренном внимании героя к внутренней форме слова.

Следует помнить, что представления о «живых» и «мертвых» метафорах в речевом сознании ребенка нередко имеют совершенно иной характер, чем в языковой компетенции взрослого. Вторичные значения, воспринимающиеся нами прежде всего с точки зрения их понятийной соотнесенности, могут казаться детям очень образными, «свежими», связи между значениями слова для школьника более важны, чем для взрослого. В структуре повествования указанная особенность детского восприятия нередко отражается путем развития метафоры, использования в сопоставимых вторичных значениях слов из ее ближайшего окружения. Ср.: *Когда меня показывали очередному профессору, мама обязательно шепотом предупреждала, что это «самое большое светило». На сей раз «самые большие светила» собрались все вместе. Просто слепило в глазах* («Раздел имущества»). В дальнейшем контексте продолжается развертывание ключевой, по терминологии Н. Д. Арутюновой (см. [1]), метафоры «выдающийся ученый — светило».

Показателен отбор глаголов, используемых повествователем для обозначения действий других персонажей. Так, в повести «Раздел имущества» при описании действий матери особенно часто используются слова, обозначающие процесс мышления: *Бездумно мама не бросала слова ни на ветер, ни в безветренную погоду. Она выстраивала мысли с алгебраической точностью, вынося за скобки все лишнее*. При речевой характеристике экскурсовода-отца особенно часто встречаются глаголы *объяснить, цитировать, поддерживать, аргументировать*. Наконец, говоря о любимой бабушке, девочка постоянно употребляет лексику, отражающую эмоциональное состояние и отношение. Разумеется, в данном случае речь вовсе не идет о целенаправленном отборе подростком слов определенных тематических групп, но используемая лексика в определенной мере служит скрытым показателем отношения повествователя к ближайшим родственникам.

Литературная критика неоднократно отмечала, что «в центре алексинских повестей — семья, первичная ячейка людской общности», в которой «растущий человек получает начальные, может быть, самые впечатляющие уроки нравственности и морали» [5, с. 94]. Поэтому вполне закономерно, что в рассматриваемых повестях часто используются термины родства. Специфика семантики этой группы слов состоит в том, что понятий-

ное ядро окружено множеством ассоциативных признаков, значимость которых способна превышать яркость ядерного значения.

Детское сознание лучше воспринимает эмоциональный ореол значения слова, чем его понятийное содержание. Поэтому один из любимых приемов Алексина — акцентирование ассоциативных признаков слова при снижении функциональной значимости его ядра (строго говоря, слово в таких случаях не связывается со своим обычным денотатом). Ср.: *Когда бабушка впервые объяснила мне, что самое дорогое слово на свете «мама», я стала называть ее «мамой Асей»: у бабушки было редкое имя Анисья* («Раздел имущества»).

Интересно, что некоторые герои Алексина предпочитают использование перифразы вместо точного обозначения родственных отношений. Так, Ирина называет Владика не братом, а только родственником Сани («Семейный совет»), Галя постоянно называет своего отца «муж моей мамы» («Сердечная недостаточность»). Такое словоупотребление точнее передает суть высказывания, раскрывая отношение героев к другим персонажам.

Использование приемов тавтологии, алогизма при употреблении терминов родства в повестях Алексина поднимает глубинные значения слов. Ср.: *Мама усиленно пыталась сделать двух братьев братьями* («Домашний совет»). Специфика такого словоупотребления состоит в том, что сначала слово *брат* использовано исключительно в терминологическом смысле, а затем на первый план выходят ассоциативные признаки: «сделать братьями», т. е. воспитать родственные чувства. Ср. еще: *Он [Павлуша] был вторым маминим мужем. Но на самом деле единственным, потому что первый, по мнению мамы, званием мужа и отца не заслуживал. Мама раз и навсегда присвоила ему титул «эгоист»* («Сердечная недостаточность»). Очевидно, что человек не может считаться единственным мужем женщины только на том основании, что его предшественник — эгоист, но в данном случае важны не ядерные семантические признаки слова, а его ассоциативный фон: для героини повести муж и отец — это звания, которые человек должен заслужить постоянной заботой о семье.

Рассмотренные выше факты свидетельствуют, что для создания речевой характеристики молодого героя Алексин постоянно использует специальные средства: сопоставление фразеологизма и эквивалентного свободного сочетания, акцентирование внутренней формы и структурно-семантических связей слов, народно-этимологическую мотивацию, усиление значимости ассоциативных признаков на фоне снижения яркости ядерных сем, специальный отбор лексики. В других случаях показателем юного возраста повествователя служит образование ненормативных слов и словосочетаний, отказ от эвфемизмов, немотивированное

использование просторечной и стилистически окрашенной лексики, личностная оценка рассказчиком словоупотребления взрослых. Таким образом, речевой облик молодого героя становится важной составной частью всей структуры повествования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
3. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов, 1981.
4. Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии: Учебн. пособие. Свердловск, 1989.
5. Мотяшев И. Воспитание чувств // Роман-газета. 1980. № 11.
6. Николина Н. А. Структура повествования в автобиографической прозе // Русский язык в школе. 1986. № 4.
7. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.
8. Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Н. А. ИЛЮХИНА
Самарский университет

ОБ ОДНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ («лошадиные» метафоры)

Рассматриваются устойчивые метафорические комплексы, обобщающие наиболее существенные, социально значимые представления о лошади, анализируется специфика регулярной метафорической модели «животное — человек».

Описание механизма полисемии в настоящее время ведется в разных аспектах, в том числе в плане выявления картины регулярной многозначности на материале различных типов лексических объединений. М. М. Покровский писал, что «семиологический процесс распространяется на целые категории слов» и «история значений известного слова будет для нее только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, *принадлежащими к одному и тому же кругу представлений*» (выделено нами.— Н. И.) [2, с. 75]. Данный принцип приложим не только к этимологическим разысканиям, но и к анализу фактов современного языка и может быть использован при рассмотрении семантического диапазона слова на более широком лексическом фоне. В этой связи нами предлагается взгляд на полисемию в рамках ассоциативно-семантического поля, т. е. лексического массива, объединенного общим эмпирическим образом и комплексом интеллектуальных и эмоционально-оценочных представлений.